

скій наплывъ въ долину Кугарта разрѣшился тѣмъ, что крестьяне должны уплатить киргизамъ по 20 руб. за десятину занятой ими земли, находящейся по закону въ пользованіи, но не распоряженіи кочевниковъ. На каждого переселенца мужского пола отмежевано по 4 десятины полевыхъ, одной усадебной и по полторы выгонной. Въ Кугартѣ образовано три поселка: Кокъ-Янгакъ на 120 дворовъ, Джиргиталъ на 140 дворовъ и Таранъ-Базаръ—100 дворовъ. На уплату денегъ за землю пока согласились только въ Джиргиталѣ. Въ узвентской волости образованы поселки: Мурзаки—127 дворовъ и Ташъ-башатъ—20 дворовъ. Въ ясинской: Джиленды—70 дворовъ и Кара-Деханъ—70 дворовъ. Въ ферганской области болѣе свободной земли нѣтъ. Поселковъ устраивать не будутъ и негдѣ. Не приписанныхъ крестьянъ остался до 300 дворовъ, которымъ предложено уходить изъ области. Каждый вновь прибывшій переселенецъ готовить впередъ себя на безконечныя мытарства и раззореніе.

Нѣкоторые чины ревизіи высказались противъ перечисленія Туркестана въ министерство внутреннихъ дѣлъ, памятуя плачевное состояніе Сибири подъ его трехсотлѣтнимъ мертвымъ управленіемъ. Оставлять край въ военномъ вѣдомствѣ, какъ теперь, признается также ненормальнымъ. Является предположеніе объединить окраины въ отдѣльномъ главномъ управленіи съ особымъ управляющимъ окраинами на правахъ министра (нѣчто въ-родъ министра колоній). Вѣдомству такого главнаго управленія вѣроятно будутъ подлежать Кавказъ, Туркестанъ и Восточная Сибирь.

Ферганецъ.

Въ ревизіи Туркестана.

Высочайше утверждена инструкція сенатору, назначенному по Высочайшему повелѣнію къ производству ревизіи Туркестанскаго края. Ревизіи, какъ указывается въ инструкціи, подлежатъ правительственныя и общественныя установленія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ управленій православнымъ духовенствомъ и войсками.

Ревизія имѣетъ главною цѣлью освѣтить всесторонне настоящее положеніе Туркестанскаго края и дать матеріалы для предстоящаго составленія новаго положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ и обсужденія условій и порядка передачи этого края въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ связи съ вопросомъ о возможности пригнѣнія къ названному краю общихъ законоположеній, на коихъ основано управленіе внутреннихъ губерній имперіи.

Ревизирующему сенатору предоставляются широкія полномочія до возбужденія уголовнаго преслѣдованія, устраненія отъ должностей и предаванія суду мѣстныхъ, назначенныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ всѣхъ ревизируемыхъ вѣдомствъ, состоящихъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ чинахъ, личною властью сенатора безъ сношенія съ начальствомъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ должности IV класса и выше, а также лицъ судебнаго вѣдомства, уголовное преслѣдованіе противъ коихъ должно возбуждаться съ соблюденіемъ подлежащихъ правилъ устава уголовнаго судопроизводства.

Вспомнили о Туркестанѣ.

При утвержденіи смѣты земскихъ повинностей Туркестана вспомнили, наконецъ, въ Думѣ объ этомъ краѣ. Хотя поправка депутата Караулова о желательности возобновленія представительства отъ Туркестана въ Государственной Думѣ и провалилась, но все же единогласно принята формула перехода къ очеред-

нымъ дѣламъ о неотложности приступить, при участіи представителей мѣстнаго населенія, къ разработкѣ вопроса объ организаціи мѣстнаго самоуправления.

Вспомнило о Туркестанѣ и правительство: предстоитъ, какъ извѣстно, сенаторская ревизія. По сообщеніямъ газетъ, ревизія имѣетъ главною цѣлью освѣтить всесторонне настоящее положеніе Туркестанскаго края и дать матеріалы для составленія новаго положенія объ управленіи этимъ краемъ и обсужденія условій и порядка передачи его въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ связи съ вопросомъ о возможности примѣненія къ названному краю общихъ законоположеній.

Такъ ли или иначе, о Туркестанѣ вспомнили и заговорили. Поэтому мнѣ, какъ коренному туземцу Туркестана, хотѣлось бы подѣлиться съ читателями „Слова“ кое-какими наблюденіями, впечатлѣніями и мыслями о господствѣ Россіи въ Средней Азійи и высказать нѣкоторые пожеланія для дальнѣйшаго внутренняго устройства Туркестана.

Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, когда мы, еще юные инородцы, обласканные внѣшнимъ приѣмомъ и обхожденіемъ, обучались въ русскихъ школахъ, учителя наши намъ твердили, что „въ образованіи и просвѣщеніи инородцевъ заключается историческая цивилизаторская миссія Россіи на Азіатскомъ Востокѣ“. Мы восторженно вѣрили въ эти прекрасныя слова и съ свойственнымъ только молодости увлеченіемъ безотчетно отдавали себя въ духовное обладаніе своихъ наставниковъ-русскихъ, къ немалому ужасу нашихъ мамушекъ и бабушекъ.

Пора безотчетно-наивнаго увлеченія смѣнилась періодомъ сомнѣній и инстинктивнаго стремленія разобраться въ происходящей въ насъ глухой борьбѣ двухъ подчасъ діаметрально противоположныхъ началъ.

Русская школа вовсе не считалась съ нашимъ внутреннимъ міромъ; она заботилась лишь о выполненіи своей формальной

задачи. Будучи предоставлены во внутреннемъ своемъ развитіи самимъ себѣ, мы различно и вышли изъ указанной борьбы.

Одни, по природѣ своей впечатлительные и экспансивно настроенные, повѣрили опасеніямъ мамокъ и бабушекъ относительно русскихъ и сдѣлались заклятыми врагами всего русскаго. Но, будучи въ то же время оторваны отъ своего родного корня, находили единственное утѣшеніе въ русской „очищенной“.

Другіе, болѣе легкомысленные, увлекаясь внѣшностью русской культуры и стѣсно

подражая окраиннымъ ея представителямъ, усваиваютъ лишь всѣ отрицательныя стороны этой культуры при полномъ пренебреженіи ко всему своему, и, не будучи, такимъ образомъ, „ни Богу свѣчкой, ни чорту кочергой“, оказываютъ медвѣжьёю услугу дѣлу русскаго просвѣщенія на мусульманскомъ Востокѣ.

Наконецъ, третьи, послѣ нѣкотораго шатанья и въ ту, и въ другую сторону, отбросивъ всякіе принципы, избираютъ путь, указываемый имъ житейскою мудростью, это—на вѣчныхъ недоразумѣніяхъ русско-туземныхъ отношеній, всѣми правдами и неправдами, создать свое собственное благополучіе.

Правда, среди инородцевъ изрѣдка встрѣчаются единичныя личности, которыя, сохраняя въ себѣ лучшія качества своего народа, стремятся къ воспріятію европейской культуры въ лучшемъ ея смыслѣ, и въ примиреніи этихъ двухъ началъ видятъ единственно-возможное счастье своей родины. Но такія личности, къ сожалѣнію, вырабатываются совершенно случайно.

Приглядываясь далѣе къ жизни Туркестана, приходится констатировать еще болѣе безотрадныя явленія.

„Помилуйте, —приходилось мнѣ слышать часто отъ многихъ русскихъ,—Туркестанъ благоденствуетъ, процвѣтаетъ, пользуется самоуправленіемъ“ и т. д., и т. д. Но это говорятъ люди или несовсѣмъ добросовѣстные, или малознакомые съ краемъ.

Несомнѣнная заслуга Россіи въ Турке-

станѣ, какую мы съ благодарностью признаемъ, это—внѣшнее механическое успокоеніе. Процвѣтаніе же торговли и промышленности въ краѣ совершается пока безъ активнаго участія въ немъ русскихъ силъ. Экономическія условія Туркестана таковы, что недаромъ бывшій министръ финансовъ Вышнеградскій прозвалъ Туркестанъ „жемчужиной въ коронѣ Русскаго Царя“. Казалось бы, по этимъ однимъ соображеніямъ Туркестанъ и въ экономическомъ отношеніи заслуживаетъ много больше вниманія правительства, чѣмъ оно оказывало его до сихъ поръ.

Что же касается внутренней жизни страны, то съ грустью приходится отмѣтить, что здѣсь рѣзко чувствуется полная деморализація нравовъ, многое разрушено, исковеркано, а взамѣнъ ничего не дано.

Объясняется это, главнымъ образомъ, во-первыхъ, существующей системой управленія и, во-вторыхъ, личными качествами гѣхъ русскихъ окраинныхъ „дѣятелей“, съ которыми мѣстному населенію приходится имѣть дѣло.

Меня всегда поражали двѣ вещи въ процессѣ управленія русскихъ въ краѣ: во-1-хъ, отсутствіе у нихъ опредѣленной системы и, во 2-хъ, отрицательный результатъ ихъ дѣйствій, постоянно обратный тому, чего хотятъ они добиться.

Положеніемъ 1886 года дана Туркестану система такъ называемаго „самоуправленія“.

Введено имъ выборное начало въ мѣстномъ судѣ и администраціи. Конечно, имѣть противъ идеи этого начала ничего нельзя, и я склоненъ даже думать, что авторы положенія исходили изъ искренняго желанія оказать народу благодѣяніе, но, судя по той хитро сотканной формѣ производства выборовъ, какая проведена въ положеніи, и по ея печальнымъ послѣдствіямъ, можно подумать, что создано было все это съ особымъ замысломъ обречь народъ на самоуничтоженіе.

Дѣло въ томъ, что составители благодѣтельнаго закона не прониклись духомъ народа, не считались ни съ его исторіей, ни съ традиціями, и въ своемъ стремленіи вогнать жизнь въ искусственныя рамки произвели ту коренную ломку, отъ ко-

торой безпомощно стонетъ нынѣ народъ.

О частностяхъ говорить здѣсь не приходится, такъ какъ каждый отдѣльный вопросъ могъ бы служить богатой темой для спеціальнаго изслѣдованія. Укажу лишь, что ни выборной администраціи, ни выборнаго суда въ надлежащемъ ихъ смыслѣ въ краѣ не существуетъ. Въмѣсто административнаго и судебнаго устройства мы имѣемъ произволъ и тройную систему подкуповъ: подкупы при выборахъ, подкупы при представленіи и подкупы при утвержденіи въ должностяхъ. За все эти подкупы населенію приходится жестоко расплачиваться своимъ кошелькомъ. Торговля правосудіемъ есть сплошная язва на народномъ организмѣ. Происходитъ это оттого, что надъ народнымъ судомъ, какъ надъ таковымъ, не существуетъ никакого контроля, а сами судьи находятся въ полной зависимости отъ чиновъ администраціи. Жалобы населенія далѣе безконечной бумажной волокиты и разнаго мытарства никуда не приводятъ.

Цѣлая область въ народной жизни, какъ устройство духовныхъ и бракоразводныхъ дѣлъ, совершенно игнорируется закономъ, и этого рода дѣла, какъ это ни странно, нигдѣ не находятъ себѣ ни защиты, ни разрѣшенія!

Если къ этому прибавить, что земскія средства края на нужды кореннаго населенія почти не идутъ, что ни школы, ни больницы, ни дорогъ для этого населенія не существуетъ, что за послѣднія десять лѣтъ правительство искусственно ввело весьма тягостную для населенія систему податнаго обложенія и проявляетъ особенное стремленіе къ вмѣшательству въ религіозную жизнь населенія, безъ всякой нужды всячески ее стѣсняя и экспроприруя вакуфныя имущества,—то до извѣстной степени станетъ ясной общая картина нынѣшняго управленія.

Далѣе остается сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „дѣятеляхъ“ на нашей окраинѣ. Говоря о нихъ, прежде всего я долженъ отмѣтить, что въ Туркестанъ идутъ преимущественно люди случайные. Даже высокіе отвѣтственные посты зани-

маются людьми случайными, безъ всякой подготовки въ дѣлѣ управленія своеобразной страной. Не имѣя общаго руководящаго плана дѣйствій, люди эти „управляютъ“ каждый по своему, какъ Богъ на душу положитъ: одни какъ будто бы по закону, а другіе обходятся и безъ всякаго закона. Дѣятельность этихъ людей сводится въ общемъ къ тому, чтобы, угождая начальству, подольше продержаться на своихъ теплыхъ мѣстахъ. Народа они не знаютъ, да и знать имъ нѣтъ надобности, лишь бы было тихо, спокойно и соблюденъ былъ внѣшній порядокъ поддержанія „престижа власти“, а тамъ хоть трава не расти.

Какъ это, на первый взглядъ, ни кажется страннымъ, отношенія русскихъ и туземцевъ въ Туркестанѣ были великолѣпны въ первые годы покоренія края. Быть можетъ, оттого, что населеніе свободно вздохнуло въ дѣдствіе водворенія въ край внѣшняго спокойствія силою русскаго оружія послѣ царившихъ неурядиць, или оттого, что сказалось въ этомъ вліяніе либеральныхъ 60-хъ годовъ въ Россіи, но фактъ тотъ, что русское имя стояло высоко, и было оно на языкѣ туземцевъ синонимомъ силы, правды и милости. Но нынѣ, къ сожалѣнію, этого сказать нельзя.

Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что мы переживаемъ переходное время. Такъ ли это? Неужели же для воспріятія западной культуры Востоку необходимо пройти сначала школу произвола и усмотрѣнія, школу деморализаціи нравовъ и пр.? Нѣтъ, этому я не вѣрю. Мнѣ хочется вѣрить иному. Мнѣ хочется вѣрить, что обновленная великая Россія не допуститъ насъ до гибели.

Мы не вѣримъ сказкамъ нашихъ старухъ о русскомъ „людоѣдствѣ“. Не вѣрьте же и вы, русскіе, рассказямъ вашихъ противу-мусульманскихъ миссіонеровъ, что мусульмане—изверги рода человѣческаго.

Серъ-Али Лапинъ.

Торговля людьми.

Въ Туркестанскомъ краѣ широко развитъ особый „промыселъ“ — продажа людей.

Этимъ „промысломъ“ занимаются преимущественно нухурцы, которые ежегодно поставляютъ по нѣскольку сотъ женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ на персидскіе и туркестанскіе рынки.

Купленныхъ въ Персіи и доставленныхъ въ Туркестанскій край женщинъ они за высокую цѣну продаютъ въ жены богатымъ туркменамъ, которые за красивыхъ персидскихъ дѣвушекъ платятъ по нѣскольку тысячъ рублей; точно также богатые персы не жалѣютъ большихъ денегъ на покупку доставленныхъ въ Персію нухурцами туркестанскихъ сартянокъ и сартянатъ, отличающихся привлекательною наружностью и нѣжнымъ тѣлосложеніемъ.

Нухурцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ какъ съ туркестанскими, такъ и съ персидскими разбойниками, занимающимися специально похищеніемъ женщинъ.

Но не отъ однихъ только разбойниковъ пріобрѣтаютъ они женщинъ,—имъ продаютъ ихъ и мужья, и отцы, разоренные какимъ-нибудь бѣдствіемъ.

Какъ при покупкѣ, такъ и при продажѣ своего „товара“ нухурцы, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду его „добротность“, сообразно съ которой назначается ими та или другая цѣна.

Мѣстная высшая администрація, усматривая въ куплѣ-продажѣ женщинъ одну изъ формъ рабства, противную законамъ Россійской имперіи, не разъ приказами по краю вмѣняла въ обязанность уѣздной и городской полиціи строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ туземцевъ не смѣлъ ни покупать, ни продавать женщинъ, а виновныхъ въ этомъ привлекать къ судебной отвѣтственности, но ни къ чему это не приводило. Власти, если-бы и хотѣли, безсильны „услѣдить“ за этимъ, такъ какъ семейная жизнь магометанина—святая святыхъ, куда посто-

зованія и распоряженія. До того дол- гий, что при ханахъ земли были от- несены къ категоріи «пашалыкъ» (го- сударственныя), въ каковомъ разрядѣ продолжали числить ихъ и русскіе. Наконецъ, гдѣ эти грандіозныя ирри- гаціонныя сооружеія на каменистыхъ пространствахъ, прирѣзанныхъ тузем- ному населенію при дополнительныхъ позем.-податн. работахъ?

Но что болѣе всего поражаетъ, это предположеніе Б. К. о томъ, что современные дѣятели по переселен- ческому вопросу намѣрены яко-бы согнать кочевника съ его пашень и поселить на нихъ русскихъ. Теперь дѣло идетъ съ опредѣленіи излишковъ земель, при самомъ строгомъ изслѣ- дованіи, находящихся въ пользованіи киргизъ. Но лѣтъ 15 тому назадъ, когда въ краѣ не было ни управле- нія земл., ни переселенческаго управ- ленія, дѣйствительно, какъ удостовѣ- ряютъ очевидцы, при устройствѣ рус- скихъ селеній въ Чимк. и Аулиеат. уѣздахъ съ киргизами не церемони- лись. Это обстоятельство, вѣроятно, не безызвѣстно для Б. К.

Въ апрѣлѣ с. г. „Нов. Вр.“ такъ характеризовало положеніе вещей въ Туркестанѣ краѣ „столько разнообраз- ныхъ, животрепещущихъ вопросовъ, что положительно никто не знаетъ, съ чего начать, чтобы двинуть дѣло, чтобы направить его на путь правды, справедливости и интересовъ Россіи. Нѣтъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ плана и системы... А безъ плановъ никакой плодотворной работы быть не можетъ, какъ нельзя допускать перемѣны системы управленія краемъ въ зависимости отъ произвола и ус- мотрѣнія часто мѣняющихся генераль- губернаторовъ... Не удивительно, что здѣсь даже законы отмѣняются усмо- трѣніемъ уѣздныхъ начальниковъ“.

Надо признать, что въ этихъ стро- кахъ большая доля справедливости. Безсистемность управленія краемъ у

всѣхъ на глазахъ.

Поземельно податнымъ учреждені- ямъ даны теперь свѣше руководящія указанія. Есть твердая увѣренность, что реальныхъ по наглядности захва- товъ казенныхъ земель уже не бу- детъ. Весь вопросъ, какъ же быть съ произведенными размеживаніемъ и ут- вержденіемъ государственныхъ земель за населеніемъ. Казалось бы, что предварительно вчиненія исковъ по такимъ случаямъ, справедливо было- бы вновь рассмотреть подобныя разме- жеванія, произвести подробное из- слѣдованіе съ участіемъ представите- лей управленія казенными землями.

Къ изложенному остается добавить пожеланіе, чтобы пересмотръ въ ко- миссіи дѣйств. тайнаго совѣтника К. А. Нестеровскаго Туркестанскаго по- ложенія былъ законченъ возможно скорѣе и чтобы выработка новаго положенія была сдѣлана осмотритель- нѣе, дабы впослѣдствіи не пришлось издавать разъясненій, дополненій и т. п. во избѣжаніе различнаго толко- ванія смысла статей закона.

К. А. Тимаевъ.

Жалоба туземца.

Въ № 503 газеты «Слово» появилась статья извѣстнаго въ Туркестанѣ Геръ-Али Лапина, въ которой авторъ изливается въ жалобахъ на то, что русская культура въ краѣ принесла гораздо болѣе отрицательныхъ послѣдствій, чѣмъ положительныхъ. Ста- тья эта, озаглавленная «Вспомнили о Туркестанѣ», представляетъ большой интересъ, такъ какъ то, что накопѣ- ло на сердцѣ у автора—коренного туземца—киргиза, несомнѣнно остави- ло горькій осадокъ въ душѣ каждого изъ его соплеменниковъ и даже не однихъ киргизъ, но и другихъ тузем- цевъ Туркестанскаго края.

Многое въ этой статьѣ дѣйстви- тельно справедливо и заслуживаетъ вниманія; приводимые авторомъ фак-

ты тоже отрицать нельзя, но освѣщеніе, которое имъ даетъ Серъ-Али Лапинъ, слишкомъ односторонне и не вполне безпристрастно, а потому, приводя изъ этой статьи наиболѣе интересные выдержки, мы считаемъ необходимымъ дать имъ съ своей стороны соотвѣтствующее объясненіе.

Вспомнила о Туркестанѣ Г. Дума, говоритъ авторъ и, хотя не признала нужнымъ дать Туркестану своего представителя, однако нашла нужнымъ и неотложнымъ «приступить, *при участіи представителей мѣстнаго населенія*, къ разработкѣ вопроса объ организациі мѣстнаго самоуправленія».

Вспомнило о Туркестанѣ и правительство, назначивъ сенаторскую ревизию, которая «имѣетъ главною цѣлью освѣтить всесторонне настоящее положеніе Туркестанскаго края и дать матеріалы для составленія новаго положенія объ управленіи этимъ краемъ и обсужденія условій и порядка передачи его въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ связи съ вопросомъ о возможности примѣненія къ названному краю общихъ законоположеній».

И вотъ автору, какъ коренному туземцу, хотѣлось бы подѣлиться съ обществомъ своими впечатлѣніями и высказать «нѣкоторыя пожеланія для дальнѣйшаго внутренняго устройства Туркестана.»

Прежде всего авторъ останавливается на русской школѣ, въ которой обучались туземцы, вѣря, что «въ образованіи и просвѣщеніи инородцевъ заключается историческая цивилизаторская миссія Россіи въ Азіатскомъ Востокѣ».

Что-же дала эта школа инородцамъ?

Авторъ указываетъ только отрицательные результаты. Вслѣдствіе формальнаго отношенія къ своимъ задачамъ, русская школа, по мнѣнію автора, не считалась съ внутреннимъ міромъ своихъ воспитанниковъ, и, пре-

доставленные самимъ себѣ, инородцы (киргизы) не могли разобраться въ происходящей внутри каждого глухой борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ, а потому «одни, по природѣ своей впечатлительные и экспансивно настроенные, повѣрили опасеніямъ мамокъ и бабокъ относительно русскихъ и сдѣлались заклятыми врагами всего русскаго. Но, будучи въ то же время оторванны отъ своего родного корня, находили единственное утѣшеніе въ русской «очищенной»».

Тутъ что-то непонятно. Одно изъ двухъ: или тѣ, которые повѣрили опасеніямъ мамокъ и бабокъ, должны были выйти изъ школы, и тогда вина въ томъ, что они предались «очищенной», заключается вовсе не въ школѣ, или, если въ школѣ остались тѣ, которые не вѣрили этимъ опасеніямъ, то окончивъ школу, они не могли сдѣлаться заклятыми врагами всего русскаго, ибо школа, хотя-бы и плохая, все таки дала имъ духовное просвѣтлѣніе, дала имъ возможность понять, что просвѣщеніе лучше невѣжества, и тотъ, кто искренне желаетъ блага своимъ единомышленникамъ, получилъ возможность приложить имъ на пользу свои знанія и силы, пріобрѣтенныя и развитыя въ русской школѣ. Мнѣ, знавшему очень много киргизъ, обучавшихся въ русскихъ школахъ, какъ низшихъ такъ и высшихъ, никогда не приходилось видѣть, что-бы эти воспитанники сдѣлались заклятыми врагами всего русскаго, да и нѣтъ основаній для этой вражды, ибо русская національность никому не враждебна, и русская культура, въ высшемъ значеніи этого слова, никогда не несетъ за собой ни насилія, ни національной нетерпимости, а всѣ эти качества, навязываемыя намъ извнѣ, также ненавистны и тягостны для насъ, какъ и для инородцевъ.

Другіе, говоритъ Серъ-Али Лапинъ, болѣе легкомысленные, увлекаясь внѣшностью русской культуры и слѣпо

подражая окраиннымъ ея представителямъ, усваиваютъ лишь всѣ отрицательныя стороны этой культуры при полномъ пренебреженіи ко всему своему и, не будучи, такимъ образомъ, «ни Богу свѣчкой, ни черту кочергой», оказываютъ медвѣжьёю услугу дѣлу русскаго просвѣщенія на мусульманскомъ Востокѣ.

Это вѣрно. Но вѣдь авторъ говорить о «болѣе легкомысленныхъ своихъ соплеменникахъ и о тѣхъ, которые «слѣпо» подражаютъ окраиннымъ представителямъ, и вотъ, въ этомъ то легкомыслии и слѣпомъ подражаніи—все дѣло. Всякая культура имѣетъ положительныя и отрицательныя стороны. Полудикіе народы, къ коимъ слѣдуетъ отнести и киргизъ, всегда склонны усваивать прежде всего внѣшность и тѣ именно отрицательныя стороны, къ числу которыхъ принадлежитъ также и «очищенная». Можно указать въ этомъ случаѣ на примѣръ Англій. Англія несетъ съ собою въ завоеванныя страны культуру неизмѣримо высшую, чѣмъ Россія; она всюду вводитъ свои свободныя учрежденія и политическую свободу, она даетъ полудикимъ народамъ полную возможность приобщиться къ благамъ цивилизаціи, и все таки, прежде всего, покоронныя народы воспринимаютъ изнанку этой цивилизаціи со всѣми ея недостатками и пороками.

Наконецъ, третьи, пишетъ авторъ, «послѣ нѣкотораго шатанья и въ ту, и въ другую сторону, отбросивъ всякіе принципы, избираютъ путь, указываемый имъ житейскою мудростью, это—на вѣчныхъ недоразумѣніяхъ русско-туземныхъ отношеній, всѣми правдами и неправдами, создать свое собственное благополучіе».

Это то же вѣрно, и опять таки авторъ неправильно оцѣниваетъ причины явленія.

Подобнымъ недугомъ страдаютъ не одни инородцы, кончающіе курсъ въ русской школѣ, но и коренные рус-

скіе. Всякій крестьянинъ, получившій нѣкоторое образованіе, ставящее его на извѣстную высоту надъ своими односельчанами, старается использовать это положеніе въ личныхъ выгодахъ, чтобы отдѣлаться отъ тяжелаго труда. Въ лучшихъ случаяхъ онъ идетъ въ сельскіе учителя, или пристраивается писаремъ въ волостныя и сельскія управленія, въ худшихъ—старается попасть въ приказчики, или въ винную лавку, или, какъ было прежде, сидѣльцемъ въ кабакъ и т. д.

Попавши въ писаря, очень многіе дѣлаются взяточниками, живутъ поборами съ крестьянъ, однимъ словомъ, дѣлаются мірскими захребетниками, предпочитая безпечальное существованіе за счетъ народнаго горба.

Причина этого кроется, какъ въ недостаткахъ самой школы, такъ и въ малой распространенности среди населенія не только образованія, но даже обыкновенной грамотности.

Конечно, изъ этого правила есть исключенія и даже весьма не рѣдкія; много находится людей идейныхъ, преданныхъ интересамъ своихъ соотечичей, старающихся принести посильную пользу той средѣ, изъ которой они вышли, но и среди киргизъ такіе люди тоже имѣются и, пожалуй, даже больше, чѣмъ между русскими, чего не отрицаетъ и авторъ цитируемой статьи, подводя этихъ лицъ къ четвертой категоріи.

«Правда—говоритъ авторъ—среди инородцевъ изрѣдка встрѣчаются единичныя личности, которыя, сохраняя въ себѣ лучшія качества своего народа, стремятся къ воспріятію европейской культуры въ лучшемъ ея смыслѣ, и въ примиреніи этихъ двухъ началъ видятъ единственно-возможное счастье своей родины. Но такія личности, къ сожалѣнію, вырабатываются совершенно случайно.

Если эти лица, по словамъ Серь-

Али Лапина, встрѣчаются изрѣдка и притомъ въ видѣ «единичныхъ», то это потому, что вообще образование въ русскихъ школахъ получаютъ киргизы изрѣдка, и считать ихъ можно только единицами, но во всякомъ случаѣ мѣрскихъ захребетниковъ между ними меньше, чѣмъ между русскими.

Не буду объяснять причины этого, такъ какъ это выходитъ за предѣлы газетной статьи, но скажу лишь одно, что защищать русскую школу я этимъ не думаю.

Недостатки ея извѣстны всѣмъ и каждому, повторять ихъ не приходится, и если инородцы страдаютъ отъ этихъ недостатковъ, то отнюдь не больше, чѣмъ страдаемъ мы—коренные русскіе, ибо и для насъ эта школа также выполняетъ свои обязанности только съ формальной стороны и также не считается съ нашимъ внутреннимъ міромъ, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что эта школа развиваетъ въ инородцахъ пьянство, ненависть ко всему русскому и что русская культура, какъ-бы она ни была плоха (чего мы тоже не отрицаемъ), несетъ съ собой только отрицательныя стороны, и что безъ этой культуры туркестанскимъ инородцамъ жилось лучше.

Мы даемъ то, что имѣемъ и не виноваты, что не можемъ дать больше, но мы сами бьемся за то, чтобы добыть себѣ лучшее, а то, что добудемъ, дадимъ и другимъ. Не слѣдуетъ смѣшивать русскій народъ съ «истинно-русскимъ сбродомъ», и иго русской

государственности стараго режима съ русской культурой вообще.

«Присматриваясь далѣе къ жизни Туркестана, говоритъ г. Серъ-Али Ланинъ, приходится констатировать еще болѣе безотрадныя явленія».

Несомнѣнная заслуга Россіи въ Туркестанѣ, какую мы съ благодарностью признаемъ, это—внѣшнее механиче-

ское успокоеніе. Процвѣтаніе же торговли и промышленности въ краѣ совершается пока безъ активнаго участія въ немъ русскихъ силъ. Экономическія условія Туркестана таковы, что не даромъ бывший министръ финансовъ Вышнеградскій прозвалъ Туркестанъ «жемчужиной въ коронѣ Русскаго Царя». Казалось бы, по этимъ однимъ соображеніямъ, Туркестанъ и въ экономическомъ отношеніи заслуживаетъ много больше вниманія правительства, чѣмъ оно оказывало его до сихъ поръ».

Здѣсь говорится объ участіи русскихъ силъ и объ участіи правительства. Авторъ, повидимому, не раздѣляетъ этихъ двухъ понятій. Если подъ участіемъ русскихъ силъ подразумѣвается участіе русскихъ капиталовъ, то, конечно, русскіе капиталы въ торговлѣ и промышленности края участвовали мало, но вѣдь и вообще въ Россіи торговля и промышленность въ положеніи не блестящемъ, да къ тому же Россія—страна, какъ принято считать, не капиталистическая, что-же касается земледѣльческой культуры, то она она могла-бы развиться лишь при колонизаціи края, а такого рода колонизація только стѣснила-бы туземцевъ, ибо туркестанская «жемчужина» для земледѣльческой культуры вовсе ужъ не такъ хороша, какъ о ней говорятъ, и нужно много и много миллионныхъ затратъ для того, чтобы оросить пустынные земли и привести ихъ въ положеніе, годное для земледѣлія.

Мы думаемъ, что русскіе земледѣльцы—крестьяне въ Туркестанскомъ краѣ долгое время не съумѣютъ приспособиться къ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, и для русскихъ переселенцевъ Туркестанъ не представляетъ ничего привлекательнаго. «Туркестанъ въ экономическомъ отношеніи заслуживаетъ много больше вниманія правительства, чѣмъ оно оказывало его до сихъ поръ», говоритъ авторъ. Въ чемъ тутъ дѣло?

Если въ томъ, что правительство стѣсняло частную предприимчивость по части напр., орошенія земель, то авторъ правъ; правительство, дѣйствительно, ставило преграды этому дѣлу, сберегая земли отъ раздачи ихъ въ частныя руки, но правильна или непорочна такая политика, туземцы отъ нея ничего не потеряли, а даже выиграли; если-же рѣчь идетъ о томъ, что правительство не насаждало въ Туркестанѣ искусственно промышленности и не держалось покровительственной системы, то врядъ-ли эта система была-бы полезна тамъ, гдѣ нѣтъ ни частной инициативы, ни частной предприимчивости. Эта система вообще наукой осуждена и сожалѣть о ней нечего.

Далѣе авторъ пишетъ:

Что же касается внутренней жизни страны, то съ грустью приходится отмѣтить, что здѣсь рѣзко чувствуется полная деморализація нравовъ: многое разрушено, исковеркано, а взамѣнъ ничего не дано.

Объясняется это, главнымъ образомъ, во-первыхъ, существующей системой управленія и, во-вторыхъ, личными качествами тѣхъ русскихъ окраинныхъ «дѣятелей», съ которыми мѣстному населенію приходится имѣть дѣло.

Относительно деморализаціи нравовъ, мы уже сказали, что она есть результатъ воспріятія внѣшней стороны и изнанки цивилизаціи, но что было разрушено и исковеркано, какіе такіе устои имѣла мѣстная жизнь, которые заслуживали бы сохраненія?

Было рабство и торговля людьми, они уничтожены; былъ деспотизмъ хановъ и взяточничество ханскихъ чиновниковъ и еще существовало полное безправіе населенія, и все это пало съ русскимъ владычествомъ. Правда, русская администрація того времени далеко была не безгрѣшна, но, во всякомъ случаѣ, она была лучше,

чѣмъ управленіе восточныхъ деспотовъ. Что населеніе съ русскимъ владычествомъ получило нѣкоторое понятіе о правѣ и справедливости, этого авторъ не только не отрицаетъ, но даже отзывается съ большой похвалой о тѣхъ порядкахъ, какіе водворила русская администрація. Вотъ его подлинныя слова:

«Какъ это на первый взглядъ ни кажется страннымъ, отношенія русскихъ и туземцевъ въ Туркестанѣ были великолѣпны въ первые годы покоренія края. Быть можетъ, оттого, что населеніе свободно вздохнуло, вслѣдствіе водворенія въ край внѣшняго спокойствія силою русскаго оружія послѣ царившихъ неурядицъ, или оттого, что сказалось въ этомъ вліяніе либеральныхъ 60-хъ годовъ въ Россіи, но фактъ тотъ, что русское имя стояло высоко, и было оно на языкѣ туземцевъ синонимомъ силы, правды и милости. Но нынѣ, къ сожалѣнію, этого сказать нельзя».

О томъ, что происходитъ нынѣ, рѣчь будетъ впереди, но, давая такой отзывъ о русскомъ вліяніи, авторъ нѣсколько строкъ назадъ противорѣчитъ самъ себѣ и, говоря объ управленіи Туркестаномъ, подвергаетъ критикѣ систему такъ называемаго самоуправленія.

«Положеніемъ 1886 года, пишетъ г. Серъ-Али Лапинъ, введено выборное начало въ мѣстномъ судѣ и администраціи. Конечно, имѣть противъ идеи этого начала ничего нельзя, и я склоненъ даже думать, что авторы положенія исходили изъ искренняго желанія оказать народу благодѣяніе, но, судя по той хитро сотканной формѣ производства выборовъ, какая проведена въ положеніи, и по ея печальнымъ послѣдствіямъ, можно подумать, что создано было все это съ особымъ замысломъ обречь народъ на самоуничтоженіе.

Дѣло въ томъ, что составители благодѣтельнаго закона не прониклись

духомъ народа, не считались ни съ его исторіей, ни съ традиціями, и въ своемъ стремленіи вогнать жизнь въ искусственныя рамки произвели ту коренную ломку, отъ которой безпомощно стонетъ нынѣ народъ.

О частностяхъ говорить здѣсь не приходится, такъ какъ каждый отдѣльный вопросъ могъ бы служить

богатой темой для спеціального изслѣдованія. Укажу лишь, что ни выборной администраціи, ни выборнаго суда въ надлежащемъ ихъ смыслѣ въ краѣ не существуетъ. вмѣсто административнаго и судебнаго устройства мы имѣемъ произволь и тройную систему подкуповъ: подкупы при выборахъ, подкупы при представленіи и подкупы при утвержденіи въ должностяхъ. За всѣ эти подкупы населенію приходится жестоко расплачиваться своимъ кошелькомъ. Торговля правосудіемъ есть сплошная язва на народномъ организмѣ. Происходитъ это оттого, что надъ народнымъ судомъ, какъ надъ таковымъ, не существуетъ никакого контроля, а сами судьи находятся въ полной зависимости отъ чиновъ администраціи. Жалобы населенія далѣе безконечной бумажной волокиты и разнаго мытарства никуда не приводятъ».

Вся эта цитата, къ сожалѣнію—одна сплошная и голая правда, защищать систему самоуправленія я не думаю и не хочу, но дѣло не въ томъ что «составители закона не прониклись духомъ народа, не считались ни съ его исторіей, ни съ традиціями», а въ томъ именно, что русская власть слишкомъ много оставила изъ тѣхъ старыхъ порядковъ и старыхъ восточныхъ традицій, которые были положены въ основу закона.

Мнѣ приходилось жить долгое время среди киргизъ китайскаго подданства. Китайское правительство тамъ вполне игнорировало киргизъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ. Никакихъ

законовъ о выборахъ китайское правительство киргизамъ не давало, никакого вмѣшательства въ киргизскія дѣла китайская администрація не дѣлала и не дѣлаетъ, и киргизы десятками лѣтъ не видятъ китайскихъ чиновниковъ, управляясь сами собой.

И вотъ тутъ-то произволь родоначальниковъ, богатыхъ султановъ, подкупъ и продажность биевъ можно наблюдать въ полной мѣрѣ. Подкупы на выборахъ, обирательства волостными управителями киргизъ, торговля правосудіемъ здѣсь прямо безграничны и, что хуже всего, такъ это то, что нигдѣ нельзя найти ни суда ни расправы, и самосудъ, месть, кража, баранта и, наконецъ, нерѣдкія побоища съ человѣческими жертвами буквально дѣлаютъ жизнь киргизъ невыносимой. Иногда [киргизы ѣздятъ за сотни верстъ искать китайскихъ чиновниковъ и просить у нихъ суда, и, не смотря на то, что китайскіе чиновники то же не отличаются безкорыстіемъ и безпристрастіемъ, ихъ рѣшенія все таки вносятъ въ киргизскую жизнь нѣкоторый, хотя временный, порядокъ.

Мнѣ кажется, авторъ многократно неправъ, приписывая вліянію русскихъ всѣ эти непривлекательныя стороны киргизскаго самоуправленія, [которыя лежатъ въ природѣ киргизъ и унаследованы ими отъ восточныхъ владыкъ.

Заканчивая свои очерки о результатахъ русскаго вліянія на жизнь туземца Туркестанскаго края, г. Серъ-Али Лапинъ пишетъ:

„Если къ этому прибавить, что земскія средства края на нужды кореннаго насел. почти не идутъ, что ни школь, ни больницъ, ни дорогъ для этого населенія не существуетъ, что за послѣднія десять лѣтъ правительство искусственно ввело весьма тягостную для населенія систему податнаго обложенія и проявляетъ особенное стремленіе къ вмѣшательству въ религіозную

жизнь населенія, безъ всякой нужды всячески ее стѣсняя и экспроприруя вакуфныя имущества,—то до, извѣстной степени, станетъ ясной общая картина нынѣшняго управленія“.

Возражать противъ этого, конечно, не приходится, неправильное расходование земскихъ средствъ, замѣчается даже тамъ, гдѣ существуютъ земскія учрежденія и особенно въ послѣднее время, когда въ земствахъ совершилась реакція; нечего, слѣдовательно, говорить о тѣхъ областяхъ и губерніяхъ, гдѣ земства, какъ у насъ въ Туркестанѣ, вовсе не существуютъ.

Однако, что-бы быть вполне справедливымъ, слѣдуетъ сказать, что Туркестанъ въ этомъ отношеніи не только не въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ другія мѣстности Россіи, а даже въ гораздо лучшихъ.

Такого количества школъ, напр. какъ въ Туркестанѣ, нѣтъ ни въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, да и школы эти поставлены далеко лучше... Правда, школы эти далеко не совершенны и весьма неудовлетворительно выполняютъ свое назначеніе, но это опять таки зависитъ отъ общихъ условій, въ которыхъ протекаетъ русская жизнь и отъ которыхъ зависитъ вся система народнаго образованія въ Россіи.

Система податнаго обложенія, дѣйствительно и тягостна, и раззорительна, и несправедлива, и служитъ источникомъ постоянныхъ злоупотребленій,—все это правда, но относительно вмѣшательства въ религіозную жизнь населенія и всякихъ стѣсненій ея безъ всякой нужды, съ авторомъ согласиться не приходится. Если быть справедливымъ, то приходится, наоборотъ, констатировать не только полное невмѣшательство русскихъ въ духовную жизнь населенія, но окончательное игнорированіе этой жизни.

За сорокъ слишкомъ лѣтъ владѣ-

нія Туркестаномъ, русское вліяніе не внесло ни одного луча свѣта въ безпросвѣтный мракъ духовнаго невѣжества туземцевъ, до сихъ поръ коннѣющихся въ религіозномъ фанатизмѣ, въ суевѣріяхъ и въ духовномъ рабствѣ у невѣжественныхъ муллъ, получающихъ свое образованіе въ полудикой Бухарѣ. Какъ странно напримѣръ, всякому заѣзжему въ Туркестанъ человѣку, видѣть до сихъ поръ на улицахъ европейскаго города, закутанныхъ покрывалами, женщинъ—этихъ рабынь востока, для которыхъ мы русскіе не сдѣлали совершенно ничего, и это не единственный фактъ того духовнаго мрака, который наслѣдованъ мусульманами отъ ихъ религіи, извращенной невѣжественнымъ духовенствомъ, состоявшемъ въ подчиненіи у деспотическихъ восточныхъ хановъ и рабовладельцевъ.

Особенно обидно видѣть такое пренебреженіе къ духовной жизни киргизъ. Этотъ маленькій народъ, богато одаренный, свободолюбивый и чуждый совершенно религіознаго фанатизма, даже, можно сказать, совершенно индифферентный въ религіозномъ отношеніи, до сихъ поръ находится во власти обрядности безъ всякаго внутренняго содержанія, замѣняющей ему религію.

Переходя, затѣмъ, къ дѣятельности русской администраціи г. Серъ-Али Лапинъ пишетъ:

Далѣе остается сказать нѣсколько словъ о, такъ называемыхъ, „дѣтеляхъ“ на нашей окраинѣ. Говоря о нихъ, прежде всего я долженъ отмѣтить, что въ Туркестанѣ идутъ преимущественно люди случайные. Даже высокіе, отвѣтственные посты занимаются людьми случайными, безъ всякой подготовки въ дѣлѣ управленія своеобразной страной. Не имѣя общаго руководящаго плана дѣйствій, люди эти „управляютъ“ каждый по

своему, какъ Богъ на душу положить; одни какъ будто бы по закону, а другіе обходятся и безъ всякаго закона.

Народа они не знаютъ, да и знать имъ нѣтъ надобности, лишь бы было тихо, спокойно и соблюденъ былъ внѣшній порядокъ поддержанія „престижа власти“.

Это нѣсколько не вяжется съ той выдержкой и изъ статьи г. Лапина, которую я привелъ въ предыдущей статьѣ и въ которой онъ самъ признаетъ, что русское имя въ Туркестанѣ, стало синонимомъ правды, справедливости и милосердія.

Кому обязано это русское имя такой высокой репутаціей въ глазахъ туземцевъ? Конечно, той самой администраціи, которые, по словамъ автора, были людьми «случайными», управляли каждый по своему «кому какъ Богъ на душу положить». Я не думаю, чтобы такіе люди могли поставить русское имя на должную высоту, и если они все-таки его поставили, то значитъ они не были такими, какими рисуетъ ихъ авторъ.

Я совершенно далекъ отъ мысли защищать русскую бюрократію и считать русскихъ администраторовъ образцомъ справедливости и государственной мудрости, но надо быть справедливымъ и признать тотъ фактъ, что въ Туркестанѣ было не мало людей просвѣщенныхъ, искреннихъ и много потрудившихся на пользу края и авторъ ихъ знаетъ, а потому называть ихъ нѣтъ надобности.

Безспорно на ряду съ этими лицами въ новый край стремились люди наживы, карьеристы и авантюристы всякаго сорта, но вѣдь это неизбежно бываетъ во всякой завоеванной странѣ; это тоже изнанка европейской культуры, свойственная не однимъ русскимъ, а быть можетъ русскимъ даже менѣе, чѣмъ другимъ европейцамъ.

Общіе недостатки, свойственные администраторамъ, неполучившимъ соотвѣтствующей подготовки и проводившимъ свою службу въ канцеляріи, свойственны не однимъ Туркестанскимъ дѣятелямъ, но и всей русской бюрократіи вообще и потому авторъ совершенно неправъ въ своихъ жалобахъ, считая въ этомъ отношеніи Туркестанъ какимъ-то исключеніемъ изъ того недуга, которымъ страдаетъ вся Россія. Если туркестанская администрація, какъ говоритъ авторъ, при добромъ желаніи, достигла совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремилась, или, иначе сказать, вмѣсто пользы приносила иногда вредъ, то это потому, что администрація не

могла выполнить своего назначенія безъ участія мѣстныхъ силъ и мѣстныхъ дѣятелей, но вотъ вопросъ: были-ли тогда эти мѣстныя силы и мѣстные дѣятели и откуда они могли взяться въ полу-варварской, полу-дикой странѣ?

Другое дѣло теперь. Теперь, конечно, есть возможность найти эти силы и привлечь ихъ къ дѣлу и мы вѣримъ что это будетъ, но для этого нужно прежде всего намъ самимъ пережить тяжелое время — послѣдствіе совершающагося въ Россіи историческаго процесса.

Прочитавъ постепенно всю статью г. Серъ-Али Лапина, скажу въ заключеніе, что основная мысль автора совершенно ускользаетъ отъ вниманія читателя, вѣроятно потому что и самъ авторъ недостаточно выяснилъ ее себѣ.

Нарисовавъ картину непригляднаго состоянія Туркестанскаго края и всѣ недостатки въ его управленіи, авторъ слишкомъ узко смотритъ на дѣла, взглядъ его скользитъ на поверхности явленій и не видитъ корня, изъ котораго исходятъ всѣ эти явленія.

Вѣдь причины порождающія всѣ неречисленные авторомъ дефекты суть

причины общія для всей Россіи и недуги которыми страдает Туркестанъ — недуги всей русской жизни.

Эти недуги прямой результатъ, переживаемаго нами переходнаго времени. Такъ что-же удивительнаго въ томъ, что эти условія отразились и на Туркестанѣ? Но вѣдь это тяжелое время пройдетъ, да оно уже и проходитъ. Мы имѣемъ теперь народное представительство и стоимъ, такъ сказать, въ преддверіи новаго государственнаго строя. Не будемъ вдаваться въ политику и разсуждать о томъ насколько совершенна или несовершенна Государственная Дума, важно лишь то, что переломъ совершился, и историческая эволюція идетъ своимъ путемъ. Дружное участіе всего общества и всего народа, безъ различія національностей, должно завершить эту эволюцію. Таковъ историческій законъ, непреложный какъ рокъ.

И мы вѣримъ, что прошлое не возвратится и когда заря новой жизни засіяетъ надъ Россіей, она освѣтитъ своимъ свѣтомъ и наши отдаленныя окраины.

Евг. Федоровъ.

Персидская армія.

Военное дѣло въ Персіи находится въ жалкомъ положеніи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только взглянуть на персидскаго солдата. Оборванный, часто босой, безъ всякой выправки, онъ напоминаетъ скорѣе нищаго, чѣмъ воина.

Сказать сколько нибудь точно, какова численность персидской ярміи, не такъ-то легко. Сами персы опредѣляютъ ее словомъ «бессьяръ», что напоминаетъ библейское употребленіе слова «тьмы». Штатнаго числа на лицо никогда не бываетъ; по установившемуся обычаю, несетъ службу половинная часть баталіоновъ, да и тѣ съ уменьшеннымъ количествомъ

людей. Распускаютъ солдатъ по домамъ въ цѣляхъ экономіи, такъ какъ за это время пребыванія на службѣ солдаты не получаютъ причитающагося имъ содержанія по полгода и болѣе, причемъ при выдачѣ полковые командиры жестоко обсчитываютъ какъ въ денежномъ, такъ и натуральномъ довольствіи, въ виду чего въ каждомъ персидскомъ городѣ можно встрѣтить солдатъ, занимающихся

различными ремеслами, мелкой торговлей и даже нищенствомъ. Нужно прибавить, что въ большинствѣ городовъ помѣщеній (казармъ) для солдатъ не имѣется, и они живутъ на частныхъ квартирахъ со своими семьями. Систематическаго обученія съ ними не проходятъ.

Для вооруженія ихъ имѣются въ арсеналахъ ружья, по преимуществу системы Верндля, забракованныя въ Австріи и сбытыя въ восьмидесятихъ годахъ въ Персію: встрѣчаются ружья и другихъ системъ, — Пибоди и Мартини. Практической стрѣльбы не производится, и многіе изъ пѣхотинцевъ совершенно не знаютъ обращенія съ ружьями. На рукахъ же у солдатъ, несущихъ свою очередь службы, имѣются большею частью пистонныя ружья, а встрѣчаются, какъ куръезъ, и кремневыя. Возрастной составъ солдатъ — самый разнообразный, начиная съ совершенно неокрѣпшаго юнца и кончая 60-тилѣтнимъ беззубымъ старикомъ. Числившіеся въ спискахъ уже умерли годъ или болѣе года тому назадъ. Вообще смѣна солдатъ — одна изъ доходныхъ частей вновь прибывающаго губернатора. Почти каждый изъ нихъ вскорѣ по прибытіи на мѣсто объявляетъ о своемъ рѣшительномъ желаніи «омолодить» полки. Населеніе хорошо знаетъ, что это значитъ. Отправляются къ губернатору депутаціи отъ уѣздовъ, и очень быстро опредѣляется та сумма, которую нужно внести ему, чтобы со-

основанія утверждать, что не такъ поступило наше министерство иностр. дѣль, поскольку это касалось его непосредственныхъ агентовъ. Но въ общемъ мы поступили не такъ, но «объединенное правительство» было представлено въ Тегеранѣ не однимъ г. Гартвигомъ, а и г. Ляховымъ, который при гикани и нашихъ и турецкихъ реакціонеровъ дѣйствовалъ явно въ разрѣзъ съ буквой и духомъ англо-русскаго соглашения и далъ шаху ту побѣду надъ персидскимъ народомъ,

которая будетъ оплачена въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ нашими купцами и предпринимателями. Мы не считаемъ себя вправѣ обижать министерство иностранныхъ дѣль предположеніемъ, что оно не понимало невыгодности для Россіи самостоятельныхъ выступленій г. Ляхова, но оно, послѣ благополучной реставраціи до-пусимской психологій русскаго государственнаго управленія не чувствуетъ себя, подобно всѣмъ другимъ русскимъ министерствамъ, за исключеніемъ внутренняго и финансоваго, вполне хозяиномъ своей отрасли управленія и ждетъ камертона отъ людей ничего въ иностранной политикѣ не смыслящихъ, но мнящихъ себя и послѣ великими, хотя никѣмъ и непризнанными государственными умами.

Понадобилась вся энергія нашего выдающагося посла въ Лондонѣ гр. Бенкендорфа для того, чтобы образумить наши канцеляріи и указать, что если мы хотимъ быть страусомъ, то англичане на такое амплуа не согласны и тогда только рѣшились обуздать рынаго полковника и выхлопотать въ виду кануна совмѣстнаго македонскаго выступленія, запрещеніе ему занять постъ тегеранскаго губернатора, что значило бы ни болѣе и не менѣе, какъ конецъ англо-русскаго соглашения. Первое испытаніе, такимъ образомъ, прошло хоть и плохо, но все же благополучно; не сегодня—завтра наступитъ второе—македонское.

А. Н. Брянчаниновъ.

Еще о нововременскомъ Ляховѣ.

Сначала Марія Горячковская, затѣмъ персидскій корреспондентъ—это даже и для „Нов. Времени“ слишкомъ много. И суворинская газета сконфузилась и стыдливо замолчала.

Растерялся и самъ персидскій корреспондентъ. Только что онъ обвинялъ русскаго консула въ томъ, что послѣдній не вовремя уѣхалъ изъ Тавриза на дачу, въ тотъ самый моментъ, какъ Рахимъ-Ханъ „съ опереточной легкостью“ бѣжалъ отъ угрозы священной войны. А теперь тотъ же корреспондентъ свидѣтельствуетъ, что „антирусскія тенденціи растутъ съ каждымъ днемъ“ и консулу угрожаютъ „за его непрошенное вмѣшательство“.

Перемена настроенія произошла и въ отношеніи къ шаху. Вчерашній аспирантъ на Ляхова вынужденъ констатировать, что шахъ прибѣгаетъ для усмиренія народа къ услугамъ „разбойничьихъ племенъ“ и что прибытіе шахскихъ подкрѣпленій въ Тавризъ „только усилитъ грабежи“.

Такимъ образомъ, положеніе выясняется. Остается только неизвѣстнымъ, какъ нововременскій корреспондентъ смотритъ на свое собственное вмѣшательство, о которомъ онъ такъ побѣдоносно сообщалъ въ предыдущей телеграммѣ, и въ какомъ отношеніи оно находится къ констатируемому имъ печальному факту роста антирусскихъ тенденцій.

Снептинъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ № 11607 «Новаго Времени» (отъ 6-го июля) въ статьѣ, озаглавленной «Переселенцы», неизвѣстный авторъ, скрывшійся подъ инициалами Е. И. Ж., пытается увѣрить: 1) что будто бы «шумиха, поднятая печатью извѣстнаго (должно быть—«жидовскаго»?) направленія о стѣненіи киргизовъ и другихъ инородцевъ водвореніемъ въ степи русскаго

элемента, является дѣломъ отстаиванія интересовъ богатыхъ степняковъ»; 2) что русскія административныя власти, играющія въ степи роль прежнихъ Хэмпровскихъ беконъ, защищая киргизское населеніе отъ захвата его земель подъ переселенцевъ, будто бы заботятся вовсе не объ интересахъ этого населенія, а только объ огражденіи своего, беконскаго, значенія въ степи; 3) что будто бы «на самомъ дѣлѣ, недостатка въ землѣ у киргизовъ не ощущается» и, наконецъ, въ довершеніе всего 4) что будто бы заселеніе степи русскими, оказывая на киргизовъ культурное воздѣйствіе и вселяя въ нихъ сознаніе гражданской свободы, освобождаетъ ихъ отъ произвола начальства, и отъ экономическаго закрепощенія у богатыхъ степняковъ, гегемонія которыхъ, по увѣреніямъ г. Е. И. Ж., быстро падаетъ, съ водвореніемъ въ степи русскихъ переселенцевъ.

Таковы доводы г. Е. И. Ж., подъ маскою сердобольнаго защитника «бѣдныхъ» киргизовъ, стремящагося отнять у нихъ и тѣ крохи, о сохраненіи которыхъ такъ усиленно, но такъ тщетно до сихъ поръ хлопочуть сами «бѣдные» киргизы.

Я не удивляюсь, въ данномъ случаѣ ни роли, ни стремленіямъ сотрудника «Нов. Вр.», но я не могу понять его смѣлости — печально выступать съ подобными пельпо-наивными аргументами, въ расчетъ, что ему удастся кому-то «втереть очки».

Не стану спорить съ г. Е. И. Ж., насколько его «Мурсалимка» стала болѣе культуренъ и проникся сознаніемъ гражданской свободы оттого, что онъ, по выраженію нашего автора, «наплевавъ въ шары своему Бутобаю», постушилъ въ батраки къ Андрею и научился у него разнымъ клязамъ и шты, водку, — ибо это дѣло вкуса и личнаго взгляда каждаго на вещи, но не могу согласиться съ тѣмъ, что «Мурсалимка» этимъ самымъ создалъ себѣ независимое экономическое положеніе.

Не могу согласиться съ этимъ, по-первыхъ, потому, что, несмотря на категорическое утвержденіе г. Е. И. Ж., никакого «крѣпостничества» въ степи не было и нѣтъ и никакой кабалы со стороны своихъ «бековъ»

киргизъ не испытываетъ во-вторыхъ, потому, что весь многовѣковый укладъ общественной и экономической жизни киргизовъ зиждется на родовомъ началѣ и принципѣ родовой солидарности. Хотя дѣйствующими въ степныхъ областяхъ положеніями и введеніемъ въ жизнь дотолѣ чуждой для населенія формы административныхъ дѣленій и выборныхъ комбинацій нанесенъ смертельный ударъ родовому единству киргизовъ, но, тѣмъ не менѣе, оно и понынѣ продолжаетъ влачить въ степи свое жалкое существованіе, служа, по старой традиціи, единственнымъ естественнымъ источникомъ моральной и экономической силы для каждаго киргиза. Гдѣ, въ силу новыхъ условій жизни, болѣе распатанъ принципъ родовой солидарности, тамъ болѣе ярко наблюдается объединеніе киргиза, и послѣдній, лишь окончательно потерявъ подъ собою почву и лишившись естественной опоры, въ лицѣ своихъ также объединѣвшихся родичей, въ силу необходимости, становится уже батракомъ хотя бы у Андрея или Семена. Если такому киргизу не сладко жилось среди своихъ, то ушедши отъ нихъ, онъ, несомнѣнно, попадаетъ «изъ огня въ полымя». Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о какомъ-то независимомъ экономическомъ положеніи того же «Мурсалимки», ютлцагося», какъ свидѣтельствуетъ самъ г. Е. И. Ж., въ совершенно чуждой ему русской деревнѣ?!

Въ своемъ стремленіи «защитить» бѣдныхъ киргизовъ г. Е. И. Ж. не останавливается даже и предъ клеветою на чиновъ степной администраціи, которые, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, изъ чувства элементарной справедливости, осмѣливаются заявить послѣдній протестъ противъ чрезмѣрнаго аппетита чиновъ переселенческаго управленія въ дѣлѣ экспроприаціи киргизскихъ земель.

Не мнѣ бы выступать въ роли защитника гг. уѣздныхъ начальниковъ въ степи: слишкомъ ужъ хорошо они намъ, киргизамъ, известны!

Что же касается голословнаго утвержденія г. Е. И. Ж. о томъ, что «на самомъ дѣлѣ, недостатка въ землѣ не ощущается», то въпросъ этомъ мы предпочитаемъ оставить на совѣсти самого автора, а выясненіе его пре-

доставимъ работъ будущихъ степныхъ землеустроительныхъ комисій, объ учрежденіи которыхъ, за подписями представителей почти всѣхъ партій, уже внесень въ Государственную Думу соответственный законопроектъ.

Пока же—избави Богъ насъ, киргизовъ, отъ такихъ защитниковъ, какъ... сотрудники «Новаго Времени» и чиновники переселенческаго управленія.

Серъ-Али-Лапинъ.

Положеніе въ Персіи.

(Отъ нашего тегеранскаго корреспондента).

Беседа съ г. Гартвигомъ.

Оставаться лѣтомъ въ Тегеранѣ очень трудно и немудрено, что всѣ дипломатическія миссіи перекочевываютъ на дачи въ Зергенде, отстоящій отъ Тегерана въ 7 верстахъ. Тамъ дѣйствительно прохладнѣе. Русская миссія занимаетъ прекрасное зданіе, утопающее въ громадномъ тѣнистомъ саду и, окруженное со всѣхъ сторонъ, по мѣстному обычаю, высокими земляными стѣнами. Передъ самымъ зданіемъ устроены небольшой красивый фонтанъ съ бассейномъ. Вокругъ него роскошный цвѣтникъ, а посрединѣ цвѣтника, на самомъ видномъ мѣстѣ, возвышается памятникъ безсмертному Грибоѣдову. Грибоѣдовъ сидитъ въ креслѣ и читаетъ рукопись.

Господинъ Гартвиго, управляющій русской миссіей въ Тегеранѣ принялъ насъ медленно и весьма любезно, съ чисто русскимъ радушіемъ.

— Весьма радъ, видѣть васъ у себя, сказалъ намъ посланникъ, я всегда отъ души сожалѣлъ, что Россія, столь заинтересованная въ персидскихъ дѣлахъ, не имѣетъ или почти-что не имѣетъ здѣсь представителей печати, которые могли бы правильно освѣщать столь важныя и жизненныя событія предъ русскимъ обществомъ и руководить его мнѣніемъ въ духъ справедливости. Я читалъ русскія газеты, они полны сообщеніями изъ иностранныхъ источниковъ и я поражался ихъ односторонностью.

Напримѣръ, въ русской печати про-

мелькнуло извѣстіе, будто по поводу Белясуарскаго инцидента ожидается разрывъ дипломатическихъ сношеній между Персіей и Россіей. Такое сообщеніе намъ и вообще, лицамъ знакомымъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Персіи, казалось болѣе, чѣмъ комичнымъ. Въ моментъ инцидента меня съ утра до поздней ночи осаждали представители всѣхъ группъ и партій — упрямивая отнестись списходительно къ разбойничьему нападенію. Съ другой стороны въ Персіи только на бумагахъ существуютъ полки и бригады, а на самомъ дѣлѣ они — мнѣ. Слѣдовательно о разрывѣ дипломатическихъ сношеній не могло быть и рѣчи. Но по совѣсти, тогда меня беспокоила другая сторона дѣла, и побуждала возможно скорѣе покончить со всей этой раздутой исторіей. Наша граница на Муганской стени, на которой разгуливаютъ хорошо вооруженные, довольно многочисленныя природныя наѣзники и разбойники шахсеваны, слишкомъ слабо защищена. Могло бы случиться, что посланный малочисленный отрядъ былъ бы разбитымъ.

Конечно, потомъ ихъ можно было бы жестоко наказать, но такіе мѣры въ столь острые моменты могли бы быть чреваты непредвидѣнными послѣдствіями.

Что же касается событій въ Урміи, то хотя многіе и обвиняютъ шаха, но я склоненъ думать, что это самостоятельный шагъ турокъ. Доказательствомъ служить, что безчинства курдовъ и турецкихъ войскъ сейчасъ же прекратились, какъ только русскій посланникъ сдѣлалъ энергичное представленіе въ Константинополь, обративъ вниманіе Порты, что Россія не можетъ оставаться равнодушной къ событіямъ въ пограничномъ округѣ, гдѣ у нея имѣются важныя интересы.

Переходя къ вопросу о персидской конституціи, нельзя, конечно, не констатировать, что дарованіе ея было для Персіи большимъ благодѣяніемъ, потому, что, какъ-никакъ, она была сильно обезсилена абсолютизмомъ. Печально лишь, что инициаторы конституціи упустили изъ виду массу чисто мѣстныхъ условій жизни, низкій культурный уровень народной массы и т. д. Кто-то